

Дело о крепостном вундеркинде и педагогическом эксперименте императора Николая I¹

Российская власть издавна любила проводить эксперименты с наукой и образованием. Обычно при этом преследовались самые благие цели, но, к сожалению, редко учитывались различные детали, в том числе такая тонкая материя, как человеческий фактор. Возможно, именно поэтому усилия власти часто оказывались безрезультатными.

«К ученому званию вовсе не способен»

В ходе работы в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга я обнаружил документ с интригующим названием – «Дело об обнаружении выдающихся уникальных способностей крестьянского мальчика И. Рагозинского в области математики, об освобождении его от крепостной зависимости и помещении в Костромскую гимназию, а затем в 1-ю Московскую гимназию и о приеме его в университет». (РГИА. Ф. 733, оп. 30, д. 210, 168 лл.) Этот документ, читавшийся, как роман, повествовал о том, как по воле императора Николая I была предпринята попытка вырастить ученого из 11-летнего сельского мальчика, который, будучи совершенно неграмотным, самостоятельно додумался до правил арифметики и научился решать в уме сравнительно сложные задачи. Попытка, увы, завершилась полным провалом.

15 июня 1846 года (все даты в статье по ст. ст.) министр народного просвещения С.С. Уваров в ответ на очередной запрос об успехах протеже императора получил от помощника попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастова донесение о том, что Иван Рагозинский окончил физико-математическое отделение философского факультета Московского университета «с званием действительного студента; занятия его в университете были вообще только посредственны, так что он едва мог переходить с курса на курс, и во время учения своего ничем особенным не отличался; способность его к умственным вычислениям не уменьшилась, не увеличилась; к ученому званию вовсе не способен, поведения же он хорошего. В настоящее время Рагозинский изъявил желание поступить в военную службу, в артиллерию». В связи с этим Голохвастов просил Уварова «исходатайствовать Высочайшего разрешения» на увольнение Рагозинского из университета и перевод на военную службу с выплатой ему всей суммы, оставшейся от ассигнований на содержание в университете.

Случаи, когда ученики не оправдывают возложенных на них надежд, не редкость в педагогике. Поэтому, на первый взгляд, в истории крепостного вундеркинда нет ничего удивительного. Тем не менее, кое-что в донесении

---

¹ Данная статья была опубликована в «Независимой газете – Наука» № 3 (277), от 11.02.2015.

Голохвастова настораживает. Если на протяжении ряда лет было видно, что у юноши нет способностей, то почему об этом не известили императора? Более того, в предыдущих отчетах сообщалось, что успехи Рагозинского были вполне приемлемыми, а по математике – отличными. Можно предположить, что, не желая огорчать императора, истинное положение дел скрывали. Но что мешало продолжать эту практику и «подтянуть» юноше оценки, чтобы он завершил обучение не действительным студентом, а кандидатом, что давало право остаться при университете для подготовки магистерской диссертации? Кроме того, Рагозинского можно было отправить на пару лет за границу, для совершенствования образования, и тем самым, получить отсрочку при вынесении решения о судьбе императорского воспитанника.

Как известно, любой нормальный чиновник стремится в сложных случаях переложить ответственность на других. Так, например, поступило Военное министерство, когда через полгода после зачисления на службу Рагозинский подал прошение об увольнении его «для определения к статским делам». Военное министерство тут же, на всякий случай, направило запрос в Министерство народного просвещения о согласии последнего на увольнение. В донесении же Голохвастова мы видим крайне редкую в николаевскую эпоху готовность взять всю ответственность на себя.

В принципе, помощник попечителя Д.П. Голохвастов славился формализмом и стремлением во всем следовать букве закона. Возможно, именно поэтому негативный отзыв, который должен был лечь на стол к императору, было поручено составить Голохвастову, причем в обход его прямого начальника – попечителя Московского учебного округа С.Г. Строганова, благоволившего к бывшему крепостному и находившегося в многолетней вражде с министром народного просвещения С.С. Уваровым.

Говоря о Голохвастове, важно отметить еще один момент. В должности помощника попечителя он прослужил 15 лет: с 1832 по 1835 гг. под началом попечителя С.М. Голицына, а с 1835 по 1847 гг. – С.Г. Строганова. В 1847 году Строганова, благодаря стараниям Уварова, отправили в отставку. Должность попечителя тут же занял Голохвастов, но продержался на ней лишь до 1849 года, когда с поста министра был вынужден уйти Уваров. Тем самым можно предположить, что негативный отзыв стал одной из услуг, которые Голохвастов оказывал Уварову, рассчитывая на ответные благодеяния. Но почему в дискредитации протее императора был заинтересован Уваров? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вернуться к началу истории крепостного вундеркинда.

А.Х. Бенкендорф и С.С. Уваров

15 июня 1834 года С.С. Уваров получил от бессменного главы Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорфа следующее письмо:

«Милостивый Государь, Сергей Семенович!

В представленной Костромским Гражданским Губернатором всеподданнейшей ведомости о происшествиях за май месяц было показано,

что одиннадцатилетний крестьянский мальчик Иван Петров (фамилию Рагозинский он получил позже. – Ю.М.), который, не зная грамоты и не имея понятия об арифметических числах, единственно силою соображения и памяти, быстро разрешал в уме довольно сложные задачи, приводя заданные числа в пятки и десятки.

По доведении до Высочайшего сведения о таких необыкновенных способностях мальчика Петрова, Государь Император соизволил повелеть: «дабы Ваше Превосходительство доложили о сем Его Величеству в подробности».

Сообщая Вашему Превосходительству сию Монаршую волю, имею честь быть с совершенным почтением и преданностью.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга
Граф Бенкендорф».

Из письма Бенкендорфа следовало, что в народном просвещении происходят события, о которых Уваров, находящийся на посту министра уже год, ничего не знает. Зато знает Бенкендорф, которому, по указу 1828 года, губернаторы были обязаны докладывать о всех необычных происшествиях, а него знает и сам император.

На следующий день, 16 июня, Уваров отправил письма: Бенкендорфу, с извинениями и оправданиями; директору училищ Костромской губернии, с предписанием немедленно сообщить все подробности истории с мальчиком; попечителю Московского учебного округа С.М. Голицыну с выговором за допущенную им халатность и указанием на интерес к этому делу императора. Позже выяснилось, что из Костромы донесение о мальчике было направлено не только в ведомство Бенкендорфа, но и попечителю Голицыну, где оно затерялось в канцелярии.

Через несколько дней Уваров получил наконец послание костромичей. В нем сообщалось, что крепостной мальчик Иван Петров, принадлежащий помещице Кологривского уезда, титулярной советнице Волтатис Елизавете Иосафовне, по распоряжению гражданского губернатора 10 мая 1834 года был испытан официальной комиссией, возглавляемой директором Костромской гимназии Абатуровым. К посланию министра прилагались тексты задач (всего было решено 12 задач за 1 час 17 минут, включая время на ознакомление с условиями) и заключение комиссии, отметившей необыкновенные способности мальчика. Будучи совершенно неграмотным, он самостоятельно научился решать арифметические задачи, округляя вначале числа так, чтобы они содержали только «пятки» (пятерки) и десятки, а потом, при произведении действий, прибавляя или вычитая необходимые цифры. Пользуясь этим методом, мальчик мог решать такие задачи, как: а) из 40004 вычесть 30005; б) сколько раз из 12425 получится по 25? в) в известное время 12 человек употребили на свое содержание 136 рублей. Сколько издержат за такое же время 69 человек? г) сколько существует различных способов для уплаты 78 рублей, если имеются монеты по 3 и 5 рублей? Испытуемый нашел все 6 способов.

К сожалению, в сохранившихся документах нет никакой информации о том, как были обнаружены математические способности Вани и как он придумал арифметику «пяток» и «десяток», позволявшую ему в 11 лет решать задачи, вполне соответствующие первой части ЕГЭ. При этом члены комиссии отметили, что мальчик намного лучше решает задачи, когда они формулируются простонародными словами, применительно к конкретным ситуациям. В выводах комиссии указывалось, что подобные, превышающие обычные, дарования могут, при получении образования, раскрыться в несравненно высшей степени. Похоже, что к такому же выводу пришел Бенкендорф и постарался заинтересовать этой идеей Николая I. Чудомальчик со временем мог прославить русскую науку, а также стать примером того, что в России открыты пути для представителей всех сословий.

Освобождение Ивана Петрова

7 июля 1834 года Николай I, после ознакомления с подробным докладом Уварова, повелел: «ежели помещица согласна его (мальчика. – Ю.М.) уволить, то поместить сперва в приходскую школу, а потом в гимназию на казенный счет и доносить мне об успехах в науках». На следующий день Уваров направил губернатору Костромы письмо, в котором указал на интерес императора к судьбе мальчика и попросил выяснить, не согласится ли помещица его освободить. 31 июля в канцелярию Уварова пришел ответ губернатора, из которого следовало, что Волтатис согласна освободить мальчика, но при этом просит дать ему, в память о родной деревне Рагозино, фамилию Рагозинский. Кроме того, будучи вдовой и ссылаясь на бедность, Волтатис просила, чтобы император, в качестве милости за сие пожертвование, поместил пять ее сыновей, обучающихся в Костромской гимназии, «в какое-либо казенное заведение для воспитания и образования».

В ответном письме Уваров попросил губернатора объяснить госпоже Волтатис, что «Высочайшая Воля Государя Императора состояла только в том, чтобы предложить ей: не согласится ли упомянутого крестьянского мальчика выпустить на волю; следовательно, она имеет полное право поступить в сем случае по собственному своему произволу». Уваров также просил объяснить Волтатис, что ее просьба о воспитании пяти сыновей за казенный счет такова, что сообщить о ней императору невозможно. Поэтому, будучи бедной, Волтатис могла бы просить о единовременном денежном вознаграждении. При этом Уваров рекомендовал губернатору поскорее получить от помещицы ответ, о котором можно было бы всеподданнейше донести Его Величеству.

Можно только догадываться о том, как губернатор разъяснил бедной помещице суть Высочайшей Воли. 21 сентября губернатор (весьма сухо) известил Уварова о том, что Волтатис письменно подтвердила, что она, исполняя Высочайшую Волю, принимает за особое счастье предоставить мальчику свободу, а относительно вознаграждения совершенно полагается на

милость Его императорского Величества. При этом почтенная вдова вновь изъявила желание дать мальчику фамилию Рагозинский.

14 октября 1834 года, находясь в Москве, Николай I получил доклад Уварова, в котором министр изложил императору суть переговоров с Волтатис и предложил выплатить ей от двух до трех тысяч рублей. На титульном листе доклада Николай I собственноручно указал сумму в две тысячи рублей. Кроме того, он написал: «мальчика сего видел и удивлялся его способностям; и дал разные на его счет повеления». Таким образом, император вновь оказался осведомленнее своего министра. Дело в том, что 8 октября Николай I посетил Костромскую гимназию, где лично испытал мальчика. Интересно отметить, что в свиту императора не вошли ни министр С.С. Уваров, ни попечитель С.М. Голицын.

Визит императора

В архивном Деле есть подробный отчет о визите Николая I в гимназию. В этом отчете, составленном попечителем Голицыным на основе донесения директора Костромских училищ и адресованном Уварову, повествовалось о том, как был встречен монарх и как он беседовал со сторожем, грудь которого украшало множество медалей, как приветствовал детей и радовался единообразию в их одежде. Осмотр классов сопровождался репликами «славные дети, милые дети», «какой brave народ!», «мои будущие гренадеры». Затем императору был представлен чудо-мальчик, которого он сам за руку отвел в класс для испытания. Поначалу Иван растерялся, поэтому Николай I, чтобы не смутить его заслонил свое лицо листом бумаги.

Оставшись удовлетворенным результатами экзамена (к сожалению, условий задач, предложенных императором, в отчете нет) Николай I приказал губернатору положить в банк на счет Ивана 1000 рублей. При этом Николай I добавил, что возьмет его в Академию, «а теперь, сказал он, обращаясь к директору гимназии, ты возьми этого мальчика к себе и воспитывай; учи его читать-писать по-французски, по-немецки и проч., неученого стыдно представлять в Академию». Вечером того же дня Иван переехал в дом директора гимназии Абатурова, которому на содержание и обучение мальчика выделялось 800 рублей ассигнациями в год.

10 января 1835 года помощник попечителя Голохвастов (тот самый, который позже напишет на Рагозинского отзыв-приговор) направил Уварову донесение о том, что Иван, живя в многодетной семье Абатурова, учится читать и писать на русском, французском, немецком и латинском языках. Кроме того, его обучают арифметике, Слову Божьему и началам географии. После предварительной подготовки, показавшей склонность мальчика не только к математике, но и к другим наукам, Рагозинского определили в 3-й класс гимназии. При этом ему еще давали частные уроки по языкам. В донесении также приводились слова Абатурова, что раскрытие умственных способностей мальчика облагораживает его характер, кроткий от природы.

Обучение в гимназии и университете

13 января 1837 года новый попечитель Московского учебного округа С.Г. Строганов сообщил С.С. Уварову об очень хороших успехах Ивана в математике и истории и хороших в других предметах. В декабре этого же года Строганов, отметив хорошие и очень хорошие успехи Рагозинского по всем предметам, кроме латыни, просит Уварова разрешить перевести юношу, «для удобства наблюдения», в 1-ю Московскую гимназию. Уваров запросил согласия Николая I (все шаги в отношении Рагозинского согласовывались с императором), и в августе 1838 года юноша переехал в Москву, где был помещен в пансион для разночинцев.

Вскоре Строганов обратился к Уварову с новой просьбой – освободить Рагозинского от изучения латинского языка. Свою просьбу Строганов объяснил тем, что успехи в изучении латыни у юноши на два класса ниже, чем по остальным предметам, поэтому освобождение от занятий этим языком позволит ему уделять больше времени другим предметам, прежде всего математике. Просьба Строганова была удовлетворена, и, как видно из отчета директора Московской гимназии, в следующем учебном году Рагозинский получил отличные оценки *по всем* предметам. Еще через год, вновь по просьбе Строганова, юношу освободили еще и от древнегреческого языка.

В конце 1841 года, после успешной сдачи выпускных экзаменов в гимназии, Рагозинский стал студентом Московского университета, обучение в котором завершил весной 1846 года, получив звание действительного студента. Если на выпускных экзаменах студент набирал средний балл не менее 4,5, он получал звание кандидата, дающее право на работу в университете. Для получения звания действительного студента требовался средний балл не ниже 3,5.

Сразу после окончания университета Рагозинский подал попечителю учебного округа прошение разрешить поступить на военную службу, в артиллерию, с выдачей ему всей оставшейся от ассигнований на его содержание суммы. Согласно справке из счетного отдела Министерства народного просвещения, эта сумма на момент окончания университета составила чуть более 2,5 тысяч рублей ассигнациями. В ноябре 1846 года Рагозинский поступил на военную службу, но через полгода подал прошение об увольнении «для определения к статским делам». По-видимому, затея с поступлением на военную службу понадобилась Рагозинскому, чтобы упростить получение денег, которые, по распоряжению Николая I, накапливались на его именном счету и которыми он не мог пользоваться по своему желанию.

К сожалению, последние документы в архивном Деле относятся к июню 1847 года. О дальнейшей судьбе молодого человека мне ничего не известно. В принципе, перспективы, открывавшиеся перед Рагозинским, были не так уж плохи. Он получил свободу, небольшой капитал и университетское образование, позволявшее ему стать учителем, офицером, чиновником. А вот путь в науку (во всяком случае, в России) для человека, «вовсе не способного к ученому званию», был закрыт. Таким образом, педагогический эксперимент Николая I завершился провалом. Но почему?

С.Г. Строганов и С.С. Уваров

Анализируя причины провала эксперимента, я не могу допустить, что профессора физико-математического отделения, вырастившие не одного крупного ученого, упустили великого математика. В то же время, странно, что Рагозинский не стал хотя бы кандидатом, особенно, если учесть, что кандидатами становились от трети до половины выпускников отделения. Присуждение этого звания ни к чему особому университет не обязывало, и то, что «на прощанье» Рагозинскому дали столь нелестную характеристику, говорит, на мой взгляд, не столько об отсутствии у него способностей, сколько о стремлении избавиться от протезе императора любой ценой.

В 1840-е гг. в Московском университете шла ожесточенная борьба между сторонниками двух влиятельных людей – министра С.С. Уварова и попечителя С.Г. Строганова. Последний явно благоволил к Рагозинскому, что не могло не беспокоить Уварова. Тем более что Строганов уже использовал в некоторых интригах выпускника «физмата» А.Н. Драшусова, отцу которого покровительствовал Николай I.

Справедливости ради, надо отметить, что Строганов поддерживал не только протезе императора. Он постоянно интересовался успехами молодых ученых и поддерживал, например, историков С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина, математика П.Л. Чебышева и др. С другой стороны, именно атмосфера интриг и скандалов стала одной из главных причин, по которым гениальный Чебышев в 1846 году перешел в Петербургский университет.

На судьбе Рагозинского не могла не отразиться и смерть осенью 1844 года А.Х. Бенкендорфа, обратившего внимание императора на талантливого мальчика. Уваров вряд ли забыл, как Бенкендорф поставил ему на вид упущение в обнаружении вундеркинда, и постарался после смерти могущественного чиновника показать всем, включая императора, что вся эта затея была пустой тратой времени. Впрочем, министр народного просвещения вообще считал преждевременным и опасным широкое распространение образования. Так, в 1840 году Уваров призывал заботиться о том, чтобы «чрезмерным стремлением к высшим предметам учения не поколебать порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний». Через пять лет, выступая перед попечителями учебных округов, Уваров призывал повысить плату за обучение, чтобы сократить чрезмерный приток в университеты и гимназии молодых людей, «рожденных в низших слоях общества, для которых высшее образование бесполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя их из круга первобытного состояния без выгоды для них самих и для государства». (Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 386.) Понятно, что при таком подходе к просвещению народа Уваров был кровно заинтересован в провале эксперимента. Но у провала были и другие причины.

Один рубль серебром

Организаторы эксперимента исходили из того, что Рагозинский обладает уникальными математическими способностями и поэтому должен стать математиком. Но что, если абстрактная математика показалась юноше неинтересной, а его несомненные способности нуждались в иных точках приложения? Эти точки надо было искать, но учителя Рагозинского не могли изменить цель эксперимента и, кроме того, были обязаны согласовывать каждый свой шаг. 2 сентября 1842 года Строганов обратился к Уварову с просьбой разрешить выдавать студенту второго курса Рагозинскому из сумм, ассигнуемых на его обучение, один рубль серебром в месяц на переписку с родными и учебные пособия. При этом Строганов напомнил министру, что обучающиеся в университете воспитанники из Царства Польского получают на переписку и другие нужды около 30 рублей серебром в год. Уваров просьбу попечителя удовлетворил и разрешил выдавать Рагозинского ровно один рубль серебром в месяц.

На мой взгляд, этот эпизод очень точно отражает стиль отношений российской власти с учеными. Власть видела в ученых лишь разновидность рабочей силы, содержание которой сводится лишь к удовлетворению самых необходимых потребностей. Безусловно, найдя Рагозинскому рубль на переписку хватило бы, но он, студент столичного университета, вряд ли мог позволить себе посещать театры, покупать художественные книги, ходить в гости и т.п. Впрочем, подобные вещи кураторами Рагозинского явно не планировались. Предполагалось, что юноша должен непрерывно заниматься и не отвлекаться на пустяки. О том же, что без таких «пустяков», как искусство, споры, шутки, серьезной науки не получится, забывали. Таким образом, ожидая от Рагозинского научных свершений, ему не создали условий для развития творческого мышления. К тому же не исключено, что у юноши были серьезные проблемы с обычным человеческим общением, так как в университете к нему, бывшему крепостному, могли относиться как к игрушке императора. Если при этом еще учесть «кроткий нрав» юноши, отмечавшийся во всех отзывах, то не исключено, что к концу учебы у него мог возникнуть нервный срыв, ставший основанием для заключения о полном отсутствии у него способностей. По-видимому, для молодого человека была бы полезной учеба за рубежом, где он перестал бы ощущать себя и бывшим крепостным, и будущей гордостью императора. Однако такой сценарий вряд ли рассматривался.

Архивное Дело завершается двумя посланиями. 28 мая 1847 года Военное ведомство направило в Министерство народного просвещения запрос о возможности увольнения Рагозинского. В ответном послании указывалось, что после выбытия его из университета и поступления на военную службу «все отношения Министерства народного просвещения к Рагозинскому кончились». Тем самым, педагогический эксперимент был сочтен завершенным. Народ в лице Рагозинского не обнаружил особых талантов, поэтому можно было сократить прием в университеты выходцев из нижних сословий. Если с 1836 по 1848 гг. число студентов в российских

университетах увеличилось с 2-х до 4-х тысяч, то за последующие годы оно сократилось до 3-х тысяч.